

Мамяченков В. Н. «Преступность среди работников милиции чрезвычайно высока»: моральное состояние и служебная дисциплина работников органов внутренних дел Свердловской области в 1946—начале 1947 гг. / В. Н. Мамяченков // Научный диалог. — 2016. — № 6 (54). — С. 196—211.

УДК 94(470.54)

«Преступность среди работников милиции чрезвычайно высока»: моральное состояние и служебная дисциплина работников органов внутренних дел Свердловской области в 1946—начале 1947 гг.

© **Мамяченков Владимир Николаевич (2016)**, доктор исторических наук, доцент кафедры теории управления и инноваций, Институт государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), mamyachenkov@mail.ru.

В статье исследуется уровень морального состояния и служебной дисциплины работников милиции Свердловской области в период сразу после окончания Великой Отечественной войны. Утверждается, что данный показатель является ключевым для оценки стабильности всей государственной структуры. Подчеркивается, что исследования подобной тематики практически не проводились в советский период. Делается попытка оценить уровень послевоенной преступности в области, в том числе уровень правонарушений среди работников милиции. Проводится подробный анализ причин, прямо влияющих на моральное состояние и дисциплину работников органов внутренних дел в указанный период. Таковыми, по мнению автора, выступают: общая кризисная послевоенная ситуация в стране, порочная кадровая политика руководства, низкий образовательный уровень личного состава, его плохая материальная обеспеченность, отсутствие серьезных стимулов к работе и др. Для доказательства своей точки зрения автор активно использует архивные материалы Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), содержащие обширный фактологический и цифровой материал по теме исследования. Применительно к милиции Свердловской области указанного периода уровень морального состояния и служебной дисциплины оценивается как явно недостаточный для правоохранительных органов цивилизованного государства.

Ключевые слова: Свердловская область; милиция; моральное состояние; дисциплина; преступность; кадровая политика.

1. Введение

Уровень морального состояния и дисциплины правоохранительных органов государства во все времена был определяющими признаками прочности его устоев. Поэтому любое демократическое общество должно быть крайне заинтересовано в регулярном получении полной и достоверной информации о состоянии его правоохранительных структур, если не желает потерять контроль над ними. В то же время в бывшем СССР практически до начала 1990-х гг. тема уровня правовой дисциплины, а тем более — коррупции среди работников органов внутренних дел не была предметом широкой общественной дискуссии и фактически никак не исследовалась. Происходило это прежде всего по таким причинам, как закрытость деятельности указанных структур, секретность криминальной статистики и в регионах, и по стране в целом, наконец, негласный запрет на разработку подобной тематики.

В результате такой политики рядовому советскому обывателю было лишь дозволено знать, что «преступность — это пережиток капитализма», что она «в нашей стране постоянно снижается, хотя и не такими темпами, какими бы нам хотелось» и что уровень ее у нас «гораздо ниже, чем в капиталистических странах». А представление о работе милиции у советских людей формировалось под влиянием официальной пропаганды в СМИ, а также произведений искусства, прежде всего — литературных и кинематографических. В них работники милиции выступали исключительно как носители лучших человеческих качеств, а их деятельность представлялась как очень нужная и весьма эффективная. При этом если и показывались недостатки в деятельности правоохранительных органов, то они непременно представлялись «отдельными», «незначительными», «нетипичными» и обязательно исправлялись к моменту завершения рассказа, повести или кинофильма. В результате первый реалистичный фильм о работе советской милиции после окончания Великой Отечественной войны вышел на экраны только в конце 1970-х гг. — им стал известный сериал «Место встречи изменить нельзя».

Что касается научной литературы по рассматриваемой нами теме, то ее перечень не слишком обширен. Здесь укажем, прежде всего, на работу пермского исследователя В. В. Шабалина, в которой рассмотрены вопросы идейно-политического воспитания милицмейских кадров в послевоенном периоде на примере Молотовской области [Шабалин, 2015]. Кроме того, проблемам деятельности советской милиции в первые послевоенные годы посвящены некоторые диссертации [Герман, 1999; Войцеховский, 2000], исследования общего характера [Скилягин, 1976; Советская..., 1987] и от-

дельные статьи [Васильев, 2004]. Наконец, в последние годы появляются некоторые интересные сообщения в сети Интернет [Тепляков]. В целом же данная проблема еще ждет своих исследователей, и особенно это касается Свердловской области и Уральского региона в целом.

2. Уголовная статистика Среднего Урала

Если говорить о моральном состоянии и дисциплине милиции, то следует напомнить, что они предусматривают прежде всего порядок и законопослушание. А порядок в любой структуре начинается с объективного и грамотно организованного учета ее деятельности. Деятельность же органов внутренних дел общество оценивает по одному главному показателю — количеству совершаемых преступлений. К сожалению, уже упомянутая нами перманентная закрытость «органов» дала свой негативный результат: в наши дни мы только приблизительно можем оценить, например, уровень преступности в Свердловске и области в первые годы после окончания войны. Пользуясь бесконтрольностью со стороны общества (о партийном контроле — отдельный разговор), милицейские начальники очень вольно обходились со статистической отчетностью, касающейся деятельности вверенных им подразделений. Уже один этот факт красноречивее многих других говорит о дисциплине в рядах милиции тех лет.

Так, если верить официальной милицейской статистике (открытой, кстати, только сравнительно недавно), за 1946 год в Свердловске было совершено 35 убийств (раскрыто 27) и 208 краж (раскрыто 172), не считая прочих преступлений. Всего же по области только за два месяца следующего, 1947-го, года — февраль и март — было зарегистрировано 10 убийств (раскрыто 8) и 1477 краж (раскрыто 1163). За второе полугодие 1946 года органами милиции было задержано 3937 чел., из которых к различного рода ответственности было привлечено 3600. По этим разрозненным цифрам (представленным, кстати, в одном документе), нетрудно подсчитать, что ежегодно в области совершалось примерно 60 убийств и почти 9000 краж, а к ответственности за уголовные преступления привлекалось более 7000 граждан [ЦДОСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 105, 107]. При этом в 1945 году население Свердловской области составляло около 1 млн 840 тыс. [Кругликов, 2006, с. 44], в том числе областного центра — около 500 тыс. чел. [Официальный...]. Простое сопоставление последних двух цифр с предыдущими убеждает в том, что, например, количество краж в Свердловске милицейской статистикой явно многократно занижалось (либо большая часть таких преступлений просто не фиксировались). Вполне возможно, что фальсифицировалась или крайне небрежно велась

вообще вся отчетность, и при этом милицейские начальники не удосуживались хоть как-то «состыковать» отчетные данные.

Серьезные сомнения относительно послевоенной милицейской статистики находят подтверждение и в воспоминаниях ряда современников. Например, ветеран войны Е. Ф. Окишев, сразу после войны работавший в Свердловской областной прокуратуре, по поводу оперативной обстановки в Свердловске и области в первый послевоенные годы вспоминал так: «...когда после войны меня направили на работу в Молдавию, то я очень удивился, что здесь была такая спокойная обстановка. Прямо курорт по сравнению со Свердловской областью... Ведь у нас только по одному Свердловску в год было 22 000 преступлений только по линии уголовного розыска, а тут всего полторы тысячи...» [Драбкин, 2013, с. 192].

Все-таки, если внимательно изучить разрозненные цифры послевоенной преступности, представленные в разных источниках, то можно сделать следующий вывод: общий уровень ее был не таким высоким, как в последующие десятилетия, когда преступность в целом только росла. Для сравнения: в 1980 году в области было зарегистрировано уже 23 195 преступлений, из них 535 умышленных убийств [ЦДООСО, ф. 4, оп. 100, д. 422, л. 104]. Но и это, как оказалось, был далеко не предельный показатель: в 1991 году — в области от рук преступников погибли 1090, а в 1994-м — даже 2274 человек. Причем и эти цифры далеко не отражают истинного количества жертв, так как в них не были включены ни многочисленные умершие вследствие тяжелых телесных повреждений (они по советскому уголовному праву почему-то не считались убитыми), ни большое количество пропавших без вести (из которых, как показывает опыт, до 70 % — это тоже жертвы убийств) [Свердловская..., с. 35].

3. Текучесть кадров

О низком уровне морального состояния и дисциплины в послевоенной свердловской милиции говорят и цифры очень высокой текучести ее кадров. Действительно, то, что происходило с милицейскими кадрами области в первые послевоенные годы, трудно назвать иначе, кроме как кадровой чехардой. Только за 1946 год из общего контингента сотрудников милиции в 3500 чел. по разным причинам было уволено 1046, то есть примерно 30 %, около 500 были «перемещены с понижением», а из 504 чел. участковых уполномоченных было уволено 135 (около 27 %) [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 62, 104]. Глядя на эти цифры, можно без всякого преувеличения сказать, что свердловская милиция, если судить по ее кадровым потерям, и после окончания войны работала в режиме военного

времени. Большое же количество «перемещенных с понижением» говорит о том, что далеко не всегда милицейские начальники хотели «вынести сор из избы», порой они упорно отстаивали своих безнадежно проштрафившихся подчиненных. Так, например, руководство Серовского городского отдела внутренних дел (ГОВД) систематически заступалось за одного из своих сотрудников — оперуполномоченного некоего Долгополова, неоднократно уличенного в пьянстве и злоупотреблениях, заступалось даже уже после его исключения из партии, предлагая перевести его на другую работу в связи с тем, что он, видите ли, просто «окружил себя людьми, с которыми ему не нужно сталкиваться» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 38]. Происходили события и обратного порядка, когда, например, в Туринском районном отделении милиции (РОМ) некоего Рыбикова исключили из партии и, естественно, должны были с позором изгнать из рядов милиции. Но за него вступились вышестоящие инстанции, и в результате данный персонаж даже был переведен на работу в областной центр. Здесь он снова «отличился» и только после этого был уволен из органов [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 8—9].

Чем же руководствовались руководители кадровой службы милиции при приеме на работу новых сотрудников? Формирование милицейских рядов в послевоенные годы по-прежнему осуществлялось в соответствии с печально известным еще со времен гражданской войны «классовым принципом», органическими чертами которого были членство в правящей партии (в крайнем случае — в комсомоле) и «пролетарское происхождение». Поэтому в милицию предпочитали набирать тех, кто в анкете в графе «Социальное происхождение» гордо писал: «Из рабочих» или «Из крестьян». И партийное, и милицейское начальство постоянно держали под контролем уровень «партийной прослойки» среди милиционеров. Поэтому областной гарнизон милиции послевоенного времени насчитывал около 800 членов и кандидатов в члены партии (23 %), что было довольно высоким показателем. Для сравнения: в 1946 году в среднем по СССР в рядах правящей партии, по нашим подсчетам, состояло примерно 3—3,5 % всего населения. В свердловской же милиции в это время партийцем был почти каждый четвертый ее сотрудник. А в некоторых подразделениях этот показатель был еще выше, как, например, в Невьянском РОМ партпрослойка составляла 40, а в Карпинском ГОВД — даже 46 % [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 3, 20, 103].

Но погоня за высоким процентом «партийности» ничего, кроме ублажения вышестоящего партийного начальства, не приносила. Конкретным же результатом такой неразборчивой и беспринципной кадровой политики

была чрезвычайная засоренность милицейских рядов случайными людьми. Мало того — в милицейской форме порой разгуливали и откровенные негодяи. Это был вынужден признать на одном из совещаний заместитель начальника областного Управления внутренних дел (УВД) по кадрам Хохлов: «Приняли на работу товарища, не проверили, как полагается, а через несколько дней оказывается — это преступник, которого ищет Удмуртская АССР». При этом Хохлов, будучи одним из начальников кадровой службы, как будто и не чувствовал своей личной ответственности за полный развал вверенного ему участка работы. Вместо приличествующей случаю самокритики он демагогически поучал собравшихся на совещание секретарей милицейских парторганизаций: «Все можно простить, но хамское отношение к кадрам никто не простит... Надо к кадрам относиться заботливо, как к себе». Как будто каждодневная огромная текучка кадров и непрерывные «перемещения» не были сущим хамством по отношению к подчиненным ему людям [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 62—63].

А ведь из милиции уходили не только те, кто как-то себя дискредитировал — нередко люди увольнялись и по различным личным мотивам, главным из которых было явное несоответствие между большими психологическими и физическими нагрузками и невысоким уровнем оплаты тяжелого милицейского труда. Судя по архивным материалам, работники милиции, особенно на низовых должностях, имели весьма невысокие доходы. Вот, например, что заявил на совещании секретарь парторганизации Серовского ГОВД Неволин: «Зарплата рядового состава очень низкая, и бывают случаи позаимствования денег друг у друга, а потом попадают в зависимость [от] ненужного нам элемента». В унисон ему парторг Нижнетагильского ГОВД Казаринов привел такой пример: «Вот сидит у меня секретарем парторганизации капитан, пришел из армии без сапог. Он даже кирзовые сапоги купить не в состоянии. У него, как он говорит, детишки в школу ходят раздетые». Кроме того, судя по всему, милицейская служба в те годы вовсе не была уж очень почетной и уважаемой гражданами (песню со словами «Не напрасно горжусь я, родная, милицейскою службой своей» поэт М. Матусовский написал только в 1956 г.) И такая тенденция сохранялась и в последующие годы. По этому поводу в информации Свердловского обкома ВКП(б) от 25.08.1949 г. на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова говорилось следующее: «Имеют место факты, когда физически здоровые работники милиции, имеющие специальность, ...под всякими предлогами настойчиво добиваются увольнения с перспективой устройства работать на производстве» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 40, 42; Оп. 45, д. 192, л. 179].

4. Преступность среди работников милиции

В плане исследования характера нарушений служебной дисциплины работниками милиции в 1946—1947 гг. большую пищу для размышлений дает изучение стенограммы упомянутого нами выше совещания секретарей парторганизаций органов внутренних дел области, которое состоялось в Свердловске 10 апреля 1947 года. Выступивший на нем прокурор областного центра Волченков обрисовал крайне удручающую картину состояния служебной дисциплины работников милиции Среднего Урала. Прокурор, в частности, объявил, что в 1946 году было арестовано и предано суду 64, а в первом квартале 1947-го — 11 работников милиции г. Свердловска. «Преступность среди работников милиции чрезвычайно высока, — сказал прокурор, ...большая часть сотрудников была предана суду за нарушения революционной законности, за убийства, за незаконные задержания, за присвоение имущества, взятки и т. д. <...> В течение этого периода работники милиции путем незаконного применения оружия убили 8 человек граждан Советского Союза, [из них] двух членов партии ни за что ни про что» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 49—50]. И это только в одном Свердловске.

Далее прокурор привел ряд вопиющих примеров, характеризующих поведение милиционеров при исполнении ими служебных обязанностей. Значительное количество этих примеров касалось деятельности участковых оперуполномоченных — низового и очень важного звена в системе охраны общественного порядка. Если к прокурорским фактам добавить еще и те, о которых он не упомянул, то получится такая нелюбимая картина.

Участковый уполномоченный Кондратьев откровенно издевался над гражданами, обирая и грабя их. Только в 1946 году он незаконно изъясил у них и присвоил 7673 руб. денег, 53 кг мяса, 6 л водки, 2,5 кг меда, 3 кг масла, 3 кг чая, 2 ружья. При этом обыски проводил незаконно. Однажды Кондратьев задержал юношу и потребовал с родителей выкуп — 1000 руб. Начальник РОМ знал все это, но мер не принимал. В конце концов, жалобы дошли до областного УВД, и только тогда Кондратьев был арестован.

Другой уполномоченный — младший лейтенант Бекленищев — присваивал водку и папиросы, а уполномоченный Язев помимо этого «джентльменского» набора не брезговал еще лампочками и даже писчей бумагой. Их собрат по должности — уполномоченный Чураков (г. Первоуральск) — незаконно производил обыски и требовал при этом от хозяев жилищ водки, утверждая, что «работникам МВД положено при обыске сначала выпивать». В январе 1947 года явился на квартиру гражданки Вы-

чужжаниной, незаконно произвел обыск, изъял 1,5 кг хлеба, ушел и съел этот хлеб.

В Нижнем Тагиле как взяточник был разоблачен участковый уполномоченный Ларионов. Впрочем, и сам начальник нижнетагильского уголовного розыска не чурался легкого обогащения: присвоил 4000 руб., переданных ему оперуполномоченным, полученные последним как взятка от родственников арестованного. Неудивительно после этого, что один из милиционеров Нижнего Тагила просто подался в бега, то есть дезертировал со службы, не забыв прихватить с собой форму и табельное оружие [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 42, 51—52, 102].

Следует также признать, что многие работники милиции проявляли удивительную человеческую черствость и полнейшую халатность при исполнении своих прямых служебных обязанностей. Например, милицейские начальники нередко смотрели сквозь пальцы на проступки своих подчиненных. Об этом говорит то, что в целом ряде случаев, по словам прокурора, «...население само реагировало, приходило с жалобой на этих работников милиции. Тем не менее, эти работники оставались безнаказанными и продолжали свои безобразия». Действительно, как отмечалось в одном из документов, в том же Ирбитском ГОВД «материалы о хулиганстве и хищениях, поступающие от граждан, длительное время лежат без движения», а один из его сотрудников — некто Коинов — беспричинно убил человека. В Полевском РОМ за 1946 год было подано 12 заявлений граждан, которые никто так и не подумал рассмотреть (столь малое количество заявлений объясняется тем, что жалобная книга была заведена формально, а заявления граждан там регистрировались от случая к случаю). На этом фоне неудивительно, что за 1946 год преступность в ряде районов области по сравнению с 1945-м возросла на 100 % и более. Это относилось к таким районам, как Березовский, Билимбаевский, Висимский, Североуральский, Серовский, Талицкий, Тугулымский [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 23—24, 49, 95, 97].

Но, помимо халатности и бездушия, существовала и еще одна причина бездействия органов милиции по отношению к преступникам. Не надо забывать, что вся деятельность «органов» исторически всегда находилась под неусыпным контролем правящей партии. А потому партийные функционеры любого уровня — начиная с районного — имели право бесцеремонно вмешиваться в работу милиции, прокуратуры и судов. Любой «громкий» арест или приговор подлежали обязательному согласованию с партийными инстанциями, которые нередко проявляли чрезмерную лояльность к «своим» людям. Так, в 1946 году в Сухоложском РОМ произош-

ли сразу три вопиющих случая. Сначала заведующий заготпунктом зерна в Алтынае некто Цветков распоряжением райкома партии был освобожден от уголовной ответственности как «старый член партии». Затем то же самое произошло с некими Черняевым, заведующим заготпунктом Кунары, и Цикаревым, председателем колхоза «Красный борец» — оба по ходатайству райкома партии были освобождены от уголовной ответственности. По этому поводу секретарь парторганизации Сухоложского РОМ Кукаровцев на совещании секретарей парторганизаций сказал так: «Невольно напрашивается вопрос: или мы неправильную политику заняли, которая не выражает политики партии, или райком делает отступления, это мне и по сей день непонятно» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 83].

Вышеприведенный перечень примеров преступлений, совершенных работниками милиции наводит на определенные размышления. Прежде всего, обращает на себя внимание повальное пьянство в милицейской среде (в наши дни эту «традицию» отчетливо можно проследить в сериале «Улицы разбитых фонарей», где главные герои — сыщики «убойного» отдела — пьют водку по всякому случаю и без такового). Пили все — и рядовые милиционеры, и их начальники. Примеров — масса. Например, безмянный оперуполномоченный в Верхней Салде, будучи уже в изрядном подпитии, мог зайти в магазин и вымогать у продавца водку. Один из руководителей нижнетагильского уголовного розыска, некто Мамаев, нередко являлся на занятия с личным составом в нетрезвом состоянии. А начальник Слободо-Туринского РОМ пьянствовал вместе с секретарем парторганизации, отплясывая кабардинку и стреляя при этом в потолок. Какое моральное воздействие эти безобразия оказывали на рядовых милиционеров — нетрудно догадаться. В архивных документах можно найти удивительные трагикомические сюжеты, достойные пера О' Генри: о том, как, например, милиционер конвоировал уличного нищего в прокуратуру на допрос, а в результате по пути следования оба банально напились. И это не чья-то досужая выдумка, а печальный зафиксированный документом факт [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 44, 97—98, 102].

Второе же, что бросается в глаза — это перечень «конфискуемых» при случае милиционерами товаров, из которых большую часть составляли продукты питания. Увы, милиционер первых послевоенных лет нередко выходил на службу голодным. Хотя, конечно, не может быть оправдания, например, инспектору детской комнаты милиции, отнявшему у гражданина целый мешок хлеба [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 97]. Из промтоваров при случае не брезговали ни лампочками, ни просто писчей бумагой — все было в дефиците в первые послевоенные годы, да и позднее, подробнее об этом см.: [Мамяченков, 2011, с. 199—212].

5. Правовой нигилизм

Недопустимо высокий уровень правовой неграмотности и просто уголовщины в рядах послевоенной милиции объяснялся рядом причин, одной из которых был низжайший образовательный уровень работников органов внутренних дел в то время. Сейчас в это трудно поверить, но в 1947 году из 3500 милиционеров Свердловской области высшее образование имели только 7 чел. (0,2 %), среднее — 113 (3,2 %), низшее — 636 (18,2 %). И такое положение сохранялось, по крайней мере, до 1950-х гг.: например, в 1949 году 37 % работников милиции по-прежнему имели образование в объеме не более 4-х классов средней школы [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 192, л. 178]. Низкий образовательный уровень работников милиции проявлялся не только в отсутствии у них необходимых юридических знаний, но и в вопиющем бытовом невежестве. Один из милицейских начальников с горечью признавал: «Можно привести целый ряд фактов, когда работники милиции не знают самых элементарных вещей, иногда путают государства, не знают Конституции <...> не знают происходящих событий, не ориентируются в политической обстановке совершенно» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 108].

Но гораздо хуже было другое: отсутствие образования — и общего, и специального — самым губительным образом сказывалось на качестве работы органов правопорядка. Только в 1946 году в области было возвращено на доследование 1275, а за первый квартал 1947-го — 236 уголовных дел. В Карпинске за нарушение законов при проведении следствия милиции было возвращено — 48 % всех заведенных уголовных дел. Такое же положение было в Пышминском и Серовском РОМ. Милицейские начальники только беспомощно разводили руками и досадовали по поводу неграмотности своих подчиненных: «Оперуполномоченный Толмачев — способности есть, а технически оформить дело не может» (Верхняя Салда), «Оперуполномоченный Мезенцев ни одного уголовного дела не закончил без брака, и все они были возвращены на доследование» (Невьянск).

В связи с этим секретарь Свердловского обкома ВКП(б) по кадрам Н. М. Кокосов отмечал: «Благодаря низкой квалификации работников, по сути — неграмотности отдельных работников, политической близорукости <...> очень серьезные дела просто смазываются и выглядят чрезвычайно бледно <...> Расследование дел затягивается, острота их пропадает, и мы не имеем такого эффекта, какой нужно иметь <...> Мы имеем многочисленные факты, когда хватаем людей направо и налево ни в чем не повинных». И такая практика «хватания направо и налево», увы, продолжалась и в последующие годы: вопиющие примеры беззакония и произ-

вола со стороны работников милиции можно найти, например, в документах, относящихся уже к 1948 году. В указанном году в Карпинске только за 7 месяцев из 311 человек, привлеченных к уголовной ответственности, 35 были оправданы судом. При этом 10 оправданных находились под стражей от 20 дней до 5 месяцев [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 19, 22, 106—107; Оп. 45, д. 206, л. 28].

Заботил ли милицееское начальство низкий образовательный уровень своих подчиненных? Думается, что по большому счету — нет. И это утверждение имеет основательную психологическую подоплеку: какому же начальнику нужны сотрудники, более образованные, чем он сам? К тому же образование всегда рассматривалось как привилегия интеллигенции, а она, как известно, в СССР не считалась существенно важной социальной группой населения и полупрезрительно именовалась «прослойкой». Поэтому представить интеллигента-очкарика в роли оперуполномоченного уголовного розыска — это было выше самой смелой фантазии милицееского начальства 1940-х гг. С другой стороны, если быть до конца честными, то надо признать: чем выше был у гражданина образовательный уровень, тем меньше он сам думал о возможности работы в милиции.

Единственной же повсеместно насаждаемой формой повышения образовательного уровня работников милиции в послевоенные годы были политические занятия, на которых личный состав милиции изучал труды классиков марксизма-ленинизма. Как это отражалось на моральном состоянии правоохранителей и их служебной дисциплине — трудно сказать, но, конечно, отнимало у них время, столь необходимое для оперативной работы. Однако на любом важном совещании каждый начальник РОМ или парторг непременно отчитывался об уровне охвата вверенных им работников партполитучебой. Так, на совещании 10 апреля 1947 года начальник Карпинского ГОВД с гордостью заявил, что в его отделе «...организован кружок основного типа по истории партии... В кружке обучаются 14 коммунистов. Кружок на сегодня закончил изучение “Краткого курса истории ВКП(б)” и переходит к изучению первоисточников». А в это время, по словам того же начальника, в I квартале 1947 года по сравнению с IV-м 1946-го количество краж в городе увеличилось на 17, а прочих видов преступлений — на 21 % [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л. 4].

6. Материальное обеспечение работников милиции

Ко всем трудностям милицееской работы в послевоенный период добавилась еще одна — ухудшение материального положения сотрудников правоохранительных органов. И это серьезно сказывалось на моральном

состоянии и уровне служебной дисциплины в их рядах. Дело в том, что в голодные военные годы личный состав милиции получал гарантированный продуктовый паек, что для многих было важным стимулом. Но после окончания войны, когда перестали действовать суровые законы военного времени, в сфере снабжения органов милиции наблюдалось полное безобразие: даже форменной одеждой милиционеров снабжали несвоевременно и некачественно. Как можно судить по архивным источникам, больше всего претензий у милиционеров было к системе так называемого Спецторга — специализированной торговой структуре, призванной обеспечивать товарами первой необходимости работников МГБ и МВД. В протоколах милицейских совещаний любого уровня тех лет можно найти множество нелестных высказываний о деятельности этой структуры. Например, на упомянутом совещании секретарей парторганизаций большинство из выступивших требовали нормализации работы Спецторга, явно выражая при этом недовольство фактическим разделением работников милиции и госбезопасности в сфере снабжения.

Вот что заявил по этому поводу парторг Тавдинского ГОВД Черепанов: «Большую претензию надо предъявить к магазинам Спецторга. Когда-то они были в ведении милиции, а сейчас переданы в ведение МГБ и обслуживают только работников МГБ. Их у нас 4 человека, и Спецторг, главным образом, беспокоится об этом контингенте, а 60 человек работников МВД и милиции — о них беспокоятся мало <...> Поскольку магазин и его продавцы подчиняются МГБ, а не милиции, они на работу выходят, когда вздумается, продают товары и отоваривают карточки работникам МГБ, а работникам милиции говорят, что ничего нет <...> До сих пор не отоварены продукты за февраль месяц, хотя сегодня уже апрель. За март крупу привезли, только 60 %, то же самое и с промтоварами, привезли пока что слезы и то полностью не выдают. В то время как работники МГБ получают еще и официальный паек». Ему вторил начальник Нижнетагильского ГОВД: «...надо поставить вопрос о Спецторге. Пока милиционеров не обеспечим, мы не можем с него требовать, мы сами наталкиваем его пойти на рынок и купить пирожок у торговки. В месяц я меняю 7—8 милиционеров, то и дело поступают сигналы, что милиционер ест пирожок на рынке» (почему-то по стандартам того времени считалось зазорным милиционеру покупать пирожки у базарных торговки. Впрочем, возможно, что речь идет о «бескорыстных» подношениях со стороны последних).

То, что дело снабжения милиции было поставлено из рук вон плохо, свидетельствуют, например, выступление парторга Березовского РОМ Потапова, который просил обеспечить личный состав хотя бы картошкой:

«У нас влилось 16 человек, которые не имеют ни одной картошки». А работник областного УВД Степанов заявил буквально следующее: «...когда 15 дней люди не получают хлеба, я не говорю уже о промтоварах, которые работники не получают в течение года, это вызывает нарекания». Действительно, полная пассивность и беспомощность милицейских начальников, граничащие с преступной халатностью, их прямое нежелание помочь подчиненным просто поражают. Например, в Каменск-Уральском ГОВД дополнительное питание получал только его начальник, а в это же время в конторе Спецторга все пять ее сотрудников — начальник и главный бухгалтер с заместителями плюс секретарь — получали не только доппитание, но еще и сухой паек. Один из милицейских чинов, бичуя фактически сам себя, по этому поводу беспомощно оправдывался: «Почему такое безобразное снабжение работников — ни мяса, ни сахара, ничего нет буквально. В чем дело? Фонды отпускаем. И вот директор магазина № 3 говорит: фонды-то отпустили, но ведь их растащили. Кто растащил? Работники магазина растащили на 42 тысячи, поэтому и не даем вашим работникам. А ведь они у нас совсем под боком». К сказанному остается только добавить, что начальник Спецторга некто Артюшин, в конце концов, был арестован за «систематическое разбазаривание фондов» [ЦДОСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 35, 42, 45, 53, 58, 79, 100].

7. Выводы

Несомненно, резкое ухудшение материального положения работников милиции в послевоенный период оказывало самое негативное влияние на их моральное состояние и никак не способствовало укреплению служебной дисциплины, росту уважения к своей профессии вообще и к своим начальникам, в частности. Тем не менее из вышесказанного не следует делать вывод, что в послевоенной милиции служили какие-то монстры, стремящиеся только к материальным приобретениям и не способные на проявления человеческих чувств. Отнюдь нет: в архивных документах можно, например, прочесть о том, как в Каменск-Уральском ГУВД сотрудники детской комнаты милиции подкармливали голодных задержанных беспризорников за свой счет, так как питание для детской комнаты «не было предусмотрено» [ЦДОСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 34]. Там же можно прочесть и имена отдельных самоотверженных милиционеров, которые бесстрашно вступали в схватки с бандитами и грабителями, защищая жизнь, честь, здоровье и имущество граждан. Но, к сожалению, не только (и не столько) эти сотрудники определяли лицо органов внутренних дел в те далекие уже от нас годы.

Поэтому вот такой и предстает перед нами свердловская милиция первых послевоенных лет: не слишком грамотная, не всегда сытая, в небезупречно подогнанной форме, не обученная не только светским манерам, а порой и обычной вежливости, переполненная случайными людьми, замороженная повседневными служебными и бытовыми проблемами. И удивляться тут нечему: она была такой, каким было все послевоенное советское общество.

Источники и принятые сокращения

1. *Свердловская область в 1990—1994 годах* : статистический сборник. — Екатеринбург : Свердловский областной комитет государственной статистики, 1995. — 72 с.
2. ЦДООСО — *Центр* документации общественных организаций Свердловской области.

Литература

1. *Васильев А. М.* Охрана общественного порядка в СССР в послевоенный период (1945—1953 гг) / А. М. Васильев // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. — Москва : РГСУ. — 2004. — № 2. — С. 129—133.
2. *Герман Р. Б.* Организационно-правовые основы деятельности российской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, 1941—1960 гг. : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / Р. Б. Герман. — Волгоград, 1999. — 27 с.
3. *Драбкин А. В.* На войне, как на войне / А. В. Драбкин. — Москва : Яуза-Эксмо, 2013. — 672 с.
4. *Кругликов В. В.* Городское население Свердловской области в годы Великой Отечественной войны / В. В. Кругликов // *Вестник Южно-уральского государственного университета*. — 2006. — № 17 (72). — С. 44—52.
5. *Мамяченков В. Н.* Потребление непродовольственных товаров населением Свердловской области (1946—1991) / В. Н. Мамяченков // *Документ. Архив. История. Современность*. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — Вып. 12. — С. 199—212.
6. *Официальный портал «Екатеринбург. РФ»* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://екатеринбург.рф/news/58421>.
7. *Скилягин А. П.* Советская милиция в период строительства развитого социализма: 1945—1958 гг. / А. П. Скилягин. — Ленинград : Нева, 1976. — 178 с.
8. *Советская милиция: история и современность (1917—1987)*. — Москва : Юридическая литература, 1987. — 336 с.
9. *Тепляков А.* О коррупции в органах НКГМ—МГБ СССР 1940—1950 гг. [Электронный ресурс] / А. Тепляков. — Режим доступа : <http://forum.mozohin.ru>.
10. *Шабалин В. В.* Хулиганы в погонах: региональная кампания по идейно-политическому воспитанию милицейских кадров в послевоенный период (на при-

мере Молотовской области) / В. В. Шабалин // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945—1953 гг. — Москва : РОССПЭН, 2015. — С. 293—303.

“Crime among Police Officers is Extremely High”: Morale and Discipline of Employees of Internal Affairs Bodies in Sverdlovsk Region in 1946 — Early 1947

© **Mamyachenkov Vladimir Nikolayevich (2016)**, Doctor of History, associate professor, Department of Theory of Management and Innovations, Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia), mamyachenkov@mail.ru.

This article examines the level of morale and discipline of Sverdlovsk region militia employees in the period immediately after the end of World war II. It is argued that this indicator is key for assessing the stability of the whole state structure. It is emphasized that studies of this subject virtually were not conducted in the Soviet period. An attempt is made to assess the level of post-war crime in the region, including the level of crime among police officers. A detailed analysis of the reasons directly affecting the morale and discipline of employees of bodies of Internal Affairs in the period. According to the author the reasons are: general crisis post-war situation in the country, flawed personnel policy of the direction, low educational level of personnel and their poor material security, the absence of serious incentives to work, etc. To prove this point of view the author extensively uses archival materials of the Centre of documentation of public organizations of Sverdlovsk region, which contain extensive factual and digital data on the research topic. Relating to the police of the Sverdlovsk region of the period, the level of morale and discipline is assessed as clearly insufficient for law enforcement authorities of a civilized state.

Key words: Sverdlovsk region; militia; morale; discipline; crime; personnel policy.

Material resources

Sverdlovskaya oblast' v 1990—1994 godakh: statisticheskii sbornik. 1995. Ekaterinburg: Sverdlovskiy oblastnoy komitet gosudarstvennoy statistiki. (In Russ.).
TsDOOSO — *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti*. (In Russ.).

References

German, R. B. 1999. *Organizatsionno-pravovyye osnovy deyatelnosti rossiyskoy militsii po okhrane obshchestvennogo poriyadka i borbe s prestupnostyu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i poslevoennyi period, 1941—1960 gg.*: avtoreferat dissertatsii. ... kandata yuridicheskikh nauk. Volgograd. (In Russ.).
Drabkin, A. V. 2013. *Na voyne, kak na voyne*. Moskva: Yauza-Eksmo. (In Russ.).

- Kruglikov, V. V. 2006. Gorodskoye naseleniye Sverdlovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. *Vestnik Yuzhno-uralskogo gosudarstvennogo universiteta*, 17 (72): 44—52. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N. 2011. Potrebleniye neprodovolstvennykh tovarov naseleniyem Sverdlovskoy oblasti (1946—1991). In: *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 12. (In Russ.).
- Ofitsialnyy portal «Ekaterinburg. RF»*. Available at: <http://ekaterinburg.rf/news/58421>. (In Russ.).
- Skilyagin, A. P. 1976. *Sovetskaya militsiya v period stroitelstva razvitogo sotsializma: 1945—1958 gg.* Leningrad: Neva. (In Russ.).
- Shabalin, V. V. 2015. Khuligany v pogonakh: regionalnaya kompaniya po ideynopoliticheskomu vospitaniyu militseyskikh kadrov v poslevoenny period (na primere Molotovskoy oblasti). In: *Sovetskoye gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945—1953 gg.* Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).
- Sovetskaya militsiya: istoriya i sovremennost'* (1917—1987). 1987. Moskva: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.).
- Tepliyakov, A. *O korruptsii v organakh NKGM—MGB SSSR 1940—1950 gg.* Available at: <http://forum.mozohin.ru>. (In Russ.).
- Vasilev, A. M. 2004. Okhrana obshchestvennogo poryadka v SSSR v poslevoenny period (1945—1953 gg.). In: *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsialnogo universiteta*. Moskva: RGSU. 2. (In Russ.).